

Если кто-то целует тебя, пока ты не можешь пошевелиться, вряд ли это вызовет приятные чувства — если только речь не идет о любимом человеке.

Чжао Линьюй ощутил, что его границы нарушены, и даже испытал отвращение. Но стоило ему встретиться взглядом с юношей, который смотрел на него с таким довольным видом, как это чувство испарилось.

В глазах этого парня была такая первозданная чистота, в них не читалось ни тени вождения, и Чжао Линьюй вдруг подумал, что его собственная неприязнь выглядит нелепо.

Этот поцелуй ничем не отличался от того, как в прошлом году его всего слюнявил сын одного из подчиненных. Тогда он тоже сразу вытерся, но к самому пухлому малышу не испытывал ни капли неприязни.

Вот и сейчас он не мог сердиться на юношу, прижавшегося к нему.

Едва успокоившись, Чжао Линьюй почувствовал неладное: во рту появился странный горьковатый привкус. Казалось, во время поцелуя ему что-то скормили.

Первой мыслью было — яд, но глаза этого юноши были настолько чисты, что сомневаться в нем не хотелось. В этот же момент он ощутил, как в его измученное, готовое рухнуть тело вливается поток тепла, заставляя раны затягиваться на глазах.

Даже несмотря на то, что внутренняя энергия продолжала разрушать его организм, этот теплый поток давал ему шанс продержаться еще какое-то время. Что же, черт возьми, скормил ему этот парень?

Чжао Линьюй был в смятении, но понимал, что это явно что-то ценное. А этот юноша... его привязанность к нему не казалась притворной.

Чжао Линьюй сейчас выглядел пугающе: на нем не осталось живого места, и все же юноша смотрел на него с такой теплотой... Сердце Чжао Линьюя дрогнуло.

— Рой... нет, этот Жэнь Шэн, с тобой всё в порядке? — спросила снаружи Шэнь Цюши. Она не решалась подойти ближе: она была не в силах противостоять потокам энергии, бушующим вокруг ее сына.

— Со мной всё хорошо. Я хочу остаться здесь. Если я выйду замуж за маршала, мне ведь не придется уходить? — Жэнь Шэн повернул голову. Он незаметно вытащил палец из почти затянувшейся раны того, кто лежал под ним, и приложил его к другой, попутно потираясь о Чжао Линьюя, чтобы собрать на себя всю его кровь.

Он был духом женьшеня и куда сильнее этих людей. У людей только один рот, чтобы питаться,

а он мог впитывать энергию всем телом!

Услышав слова Жэнь Шэна, Шэнь Цюши почувствовала, как к горлу подкатил ком. Многие восхищались ее сыном, и многие были готовы отдать жизнь, чтобы спасти его в час опасности, но сейчас, в его нынешнем состоянии, никто не рискнул бы подойти так близко.

Раньше она вряд ли бы привязалась к этому ребенку, но сейчас он ее глубоко тронул.

Дайно тоже был поражен. Ему вдруг стало стыдно за свои мысли — как он мог считать, что Жэнь Шэн не достоин маршала? Сам он точно не смог бы, не колеблясь, броситься к маршалу в такой момент. А Жэнь Шэн смог, и его совсем не пугал устрашающий вид Чжао Линъюя.

Другие солдаты охраны в один голос подумали о термине, пришедшем из древности — фанатичный поклонник. Этот кайец был явно помешан на маршале, раз так наплевал на собственную безопасность.

Конечно, что бы они там себе ни нафантазировали, с этой минуты их подозрения в отношении Жэнь Шэна испарились.

В этом мире, может, и существуют шпионы, готовые идти на риск, но вряд ли найдется такой, который будет так отчаянно цепляться за умирающего человека.

К тому же, хотя слава маршала все еще гремела, семья Чжао из-за отсутствия наследников уже была вытеснена из центральных кругов Федерации.

— Здесь опасно, уходи, — сказал Чжао Линъюй, почувствовав прилив сил от теплого потока. Даже если этот парень не был отброшен энергией, как его мать, его одежда была изорвана, а кожа покрыта порезами. Если случится беда...

— Ничего, у меня кожа толстая, — прямо ответил Жэнь Шэн, и это была чистая правда. Если бы на его месте оказался обычный человек, его бы уже давно изрезало на куски. Но он был другим: хоть он и старался всегда выглядеть свежим и сочным, за сотни тысяч лет его кожа стала достаточно прочной.

Разве так говорят о себе? Этот ребенок и правда глупый... Все говорят, что у кайцев низкий интеллект, похоже, это правда. Но даже с таким уровнем развития его искренняя улыбка подкупала. Чжао Линъюй слегка скривил губы, собираясь что-то добавить, но тепло внутри него внезапно начало хаотично метаться, вызвав спазм, и он замолчал.

Жэнь Шэн, заметив это, обвинил его еще крепче. Его корешки, тонкие, как волосы, начали собирать кровь Чжао Линъюя и попутно впитывать частицы живительной почвы из его ран.

Он был словно пережати-поле, которое долго скиталось по засушливой пустыне и наконец

нашло плодородную землю, жадно впитывая питательные вещества и влагу.

Конечно, он при этом получил еще несколько порезов, но благодаря живительной почве раны быстро затянулись, даже кровь не успела вытечь. Лишь один маленький корешок оторвался.

Жэнь Шэн прожевал его и вложил в рот Чжао Линъюю.

Ради этого маршала он и кровь терял, и сам ранился — столько всего отдал, его точно нельзя выгонять!

Чжао Пэн ждал, когда жена приведет того кайца, но, не дождавшись, решил проверить, в чем дело. И что же он увидел... Его сына помогают?

Шэнь Цюши пришла в себя, только когда увидела мужа, и тут же заметила, что ее сына снова помогают.

Дернув щекой, она произнесла:

— Жэнь Шэн, выходи скорее, поранишься. И тебе нужно переодеться.

— Ты не выгонишь меня? — с любопытством спросил Жэнь Шэн.

— Не выгоню, — ответила Шэнь Цюши, глядя на его изодранную одежду и следы крови. Если этот ребенок так любит ее сына, она будет заботиться о нем, как о собственном.

Жэнь Шэн кивнул, слез с Чжао Линъюя, сделал несколько шагов и оглянулся:

— Я скоро вернусь.

Сейчас живительная почва, выпавшая из Чжао Линъюя, и энергия вокруг него были поглощены, а переварить это сразу он не мог... Ему хотелось остаться рядом, но ненадолго отлучиться было можно.

К тому же учитель говорил, что в человеческом мире нельзя ходить голым.

Жэнь Шэн шел к выходу, постоянно оглядываясь, и у самой двери Шэнь Цюши укутала его в накидку:

— Ты что, жить не хочешь?

— Со мной всё в порядке, — ответил Жэнь Шэн.

— Как это в порядке? Столько крови потерял... — Шэнь Цюши указала на его обнаженные ноги, покрытые пятнами крови. Она видела, как энергия оставляла на нем глубокие порезы.

Она не понимала, почему раны Жэнь Шэна, как и у ее сына, затягивались мгновенно, но знала, что это наверняка больно.

— Это кровь маршала, — сказал Жэнь Шэн. Он собрал всю кровь маршала на себя и теперь чувствовал себя прекрасно там, где она впиталась в кожу.

Шэнь Цюши решила, что он просто пытается ее утешить. Смахнув слезы, она сказала:

— Ты проделал долгий путь из Свободного Альянса, должно быть, устал. Сходи в душ, поешь и отдохни.

Жэнь Шэн кивнул и снова указал на комнату Чжао Линъюя:

— Я хочу спать там!

— Там? — Шэнь Цюши остолбенела. Спать с ее сыном? Этот ребенок такой... раскованный? Нет, просто совсем не боится смерти.

— Я хочу съесть много-много каши, и маршал тоже должен поесть, он, должно быть, голоден, — добавил Жэнь Шэн. У маршала много внутренней энергии, но если тело разрушено, одной энергией его не восстановишь. — Он потерял много крови, ему нужно что-то восстанавливающее, и побольше.

В теле Чжао Линъюя содержалась вся энергия, накопленная королевой зергов для размножения. Последние два месяца он ничего не ел, но жил, поэтому все забыли о еде. И вот, ребенок, который только что пришел, напомнил об этом... Шэнь Цюши почувствовала укол совести, а Чжао Пэн крепко сжал ее руку.

Энергия вокруг Чжао Линъюя была настолько мощной, что даже иглы для капельниц гнулись — они были бессильны.

— Когда я поем, я принесу ему еды! — снова сказал Жэнь Шэн. Это был его будущий кормилец, его нужно хорошо содержать.

— Спасибо. Я доверяю тебе заботу о Линъюе, — глаза Шэнь Цюши снова увлажнились.

Услышав это, Жэнь Шэн просиял:

— Не за что, вы все такие хорошие! Дайно и остальные спасли меня, когда я выпал из пространственного разлома, и привезли сюда, а вы доверили мне заботу оживительной почве! Вы такие же добрые, как мой учитель!

<http://bllate.org/book/21216/2147008>